

Так ли уж невежественен и непрофессионален был начальник гербового отделения барон Б. Кёне, как его эмоционально пытаются представить некоторые историки, СМИ, интернет-сообщества?

Попробуем более трезво оценить вклад Бернгарда Кёне в российскую науку и геральдическую практику.

Выдержка из статьи историка-геральдиста С.Л. Плотникова:

«Бернгард Карл (Борис Васильевич) Кёне родился в Берлине 4 июля 1817 года в семье тайного государственного архивариуса и уже в детстве заинтересовался нумизматикой. Учился в Берлинском и Лейпцигском университетах, получил в последнем степень доктора философии и филологии и в 1842 году прибыл в Россию»⁸⁷.

То есть Б. Кёне изучал филологию и имел степень доктора. Сомнительно, чтобы человек с таким образованием не сумел заглянуть в первое издание «Толкового словаря» В. Даля или в «Словарь русского языка XVIII века» и в ответственный момент перепутал понятия «бабр» и «бобр».

А это уже пишет о бароне в 1886 году журнал «Исторический Вестник»:

«В 1845 г. Кёне поступил на службу помощником начальника первого отделения Императорского Эрмитажа, в 1850 г. перемещен во второе отделение, в том же году он был назначен управляющим первым отделением при департаменте герольдии Правительствующего Сената. В 1863 г. Кёне произведен был в действительные статские советники и в 1864 г. назначен советником Эрмитажа по ученой части. Его труды в области археологии и, в частности, нумизматики доставили ему европейскую известность. Он был действительным и почетным членом многих ученых обществ России и западной Европы, сочинения его печатались на языках: русском, латинском, немецком, французском, англий-

Рисунок 34 –
Фотокопия
портрета
барона Б. Кёне
(из Интернета)

Рисунок 35 –
Эскиз золотой
медали с
изображением
профиля
барона Б. Кёне
(из Интернета)

ском, шведском и датском, которыми он всеми владел.

По части археологии и нумизматики, кроме нескольких статей и заметок особенно замечательны его труды: «Исследование об истории и древностях города Херсонеса Таврического» (С.-Петербург, 1848), «Описание европейских монет X, XI и XII вв., найденных в России» (1849–1850, есть и на немецком

языке), «Описание музея покойного князя Василия Викторовича Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России и царств Понтийского и Босфора Киммерийского» (С.-Петербург, 1855, есть и на французском языке) — за это сочинение Кёне получил одну из высших существующих ученых наград — именную золотую медаль от Institut de France; «Das M nzwesen der Stadt Berlin», "De nummis Frederici II, electoris Brandenburgensis».

Кёне издавал в Берлине журнал «Zeitschrift f r M nz-Siegelund Wappenkunde». По части генеалогии и геральдики Кёне издал: «Девизы русских городов», «Recherches sur l'origine de plusieurs maisons souveraines de l'Europe», «Les familles c l bres de la Russie», под его руководством составлены и изданы части 11, 12 и 13 «Гербовника Российской Империи» и, совместно с несколькими другими лицами, «Каталог нумизматического отделения Императорского Эрмитажа»; Последнею его ученою работою была: «Berlin - Moscau - St.-Petersburg», (С.-Петербург, 1882) — историческое исследование отношений между русским и прусским дворами с 1649 по 1763 гг.

Кёне был действительным и почетным членом до 30 иностранных обществ и академий, в том числе Стокгольмской и Мадридской археологических академий, Королевской академии генеалогии и геральдики в Пизе, Римского института; Археологических обществ французского, бельгийского, берлинского, копенгагенского, британского и др.»⁸⁸.

Обратите внимание на золотую медаль с личным изображением. Такие медали в Европе имели лишь единицы.

По словам сослуживцев, Б. Кёне обладал неиссякаемой внутренней энергией и был очень трудолюбив. Именно он систематизировал гербы административных единиц России.

Рисунок 36 – Фотокопия рисунка флага Иркутского генерал-губернаторства, 1896 год

Никто до и после него не проводил такой титанической работы.

При Б. Кёне был возрожден черно-желто-белый государственный геральдический флаг Российской Империи⁸⁹. И здесь следует заметить, что бело-сине-красный флаг, существовавший наравне с ним, не является геральдическим, по сути, это флаг торгового флота.

Так на каких же основаниях некоторые наши современники упорно представляют его тупым и невежественным? Откуда все-таки взялась эта неприязнь к человеку, тиражируемая многие десятилетия?

В 1915 году член Особого Совещания, капитан-лейтенант П.И. Белавенец в своей большой работе по истории Государственного герба в имперский период очень нелестно отзывается о Б. Кёне как об авторе этого герба, по сути, ругая человека, уже 30 лет как умершего.

Данная статья имела успех в то время, так как шла Первая мировая война и «... **лить грязь на все немецкое и австрийское было актуально**»⁹⁰ и предусмотрительно.

И хотя в статье П.И. Белавенца гербы губерний не рассматриваются, историки стали по любому поводу бранить барона и обвинять его в разных геральдических грехах, чаще субъективно надуманных, научно никак не подтвержденных, основанных лишь на собственном амбициозном мнении.

Кроме того, П.И. Белавенца поддержал бывший его ученик по Петроградскому археологическому институту В.К. Лукомский, назначенный в июле 1914 года руководителем гербового отделения Департамента ге-

рольдии. Ну как было не поругать пусть и давнего, но предшественника, в то же время продвигая собственное научное направление в российской геральдике!

Что касается конкретно Иркутского герба, то во второй половине XX века впервые на замену бобра-тигра бобром указал иркутский историк Федор Александрович Кудрявцев, однако партийные и административные чиновники при возрождении Иркутского герба в начале 60-х все же остановились не на тигре, а на гербе Кёне, показавшегося им более интересным. Они лишь своей местной властью изменили слово «бобр» на «бобр».

В 1974 году на путаницу слов и на **«заумное творчество чиновников»** обратил внимание в своем исследовании истории Иркутского герба писатель Н.Н. Сперансов⁹¹. В статье *«Старый герб забыт»* он самовольно меняет в блазоне 1790 года слово «бобр» на «тигр», либо, не проверив, повторяет эту информацию из гербовника П.П. Винклера. Кроме того, он неверно называет дату выхода первого издания словаря В.И. Даля, а в стиле изложения статьи применяет сарказм, что совершенно недопустимо не только в научных, но и в научно-популярных трудах.

Уже в другой статье *«От таможенной печати — к губернскому гербу»*⁹² Н.Н. Сперансов повторяет версию русского историка П.А. Словцова⁹³, что на Ленской таможенной печати хотели изобразить тигра, так как его шкура могла попасть в ясак, но по незнанию назвали его барсом. Однако вопреки объективности он почему-то не пожелал предположить, что шкура в ясак могла попасть от барса или ирбиса, которые так же как и тигр заходили в эти места, и тогда название пятнистому зверю писцы дали для того времени совершенно правильно.

Но работы Н.Н. Сперансова имели малый круг читателей и были замечены лишь небольшим числом людей, интересующихся темой гербоведения.

Громогласно и на всю страну тиражом в три миллиона экземпляров об ошибке составителей герба 1878 года указал популярный журнал «Наука и жизнь» в 1983 году⁹⁴.

В статье О.А. Рево *«Гербы городов Иркутской губернии...»* автор пишет: **«Однако когда в 1878 году составляли новый герб Иркутской гу-**

бернии, произошла ошибка: составители, вероятно, приняли слово «бобр» за искаженное «бобр», поэтому на гербе нарисовали бобра с соболем в зубах и дали соответствующее описание: «В серебряном щите черный бегущий бобр с червлеными глазами, держащий во рту червленого соболя». Эту ошибку впервые отметил еще Владимир Даль в своем знаменитом «Толковом словаре русского языка»...»

То есть уважаемый журнал в лице О.А. Рево, практически повторяя выводы Н.Н. Сперансова, дал начало неверной версии об ошибке составителей герба под начальством Б. Кёне уже для многомиллионной аудитории читателей. А фраза: **«...составители, вероятно, приняли слово «бобр» за искаженное «бобр», поэтому на гербе нарисовали бобра с соболем в зубах...»** стала копироваться из статьи в статью по истории герба не только Иркутской губернии, но и самого Иркутска. И почему-то никто из поддержавших эту версию ученых умов не усомнился в том, что если слова «бобр» и «бобр» еще можно перепутать, то совместить случайно или неосознанно двух разных животных в одном теле, создавая нового мифического зверя для геральдической фауны, просто невозможно.

Также еще раз напомним, что де-юре утверждение губернского герба в 1878 году не отменяло использование и в дальнейшем герба города Иркутска с тигром, введенного Екатериной II в 1790 году, просто добавив к нему требуемую после геральдической реформы в 1857 году Александром II по предложению еще его отца корону и Андреевскую ленту с дубовыми листьями.

